

О. С. Шурупова

**«Беспечный, счастливый человек»
(опыт создания речевого портрета Русанова
из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус») ***

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью использования результатов современных исследований языковой личности для создания художественных образов. Целью данной статьи стало создание речевого портрета Русанова, персонажа повести А. И. Солженицына «Раковый корпус». Предметом изучения становится дискурс данного персонажа. В статье подвергнуты анализу интериоризованная речь Русанова, особенности восприятия им чужой речи, цитатный фонд, используемый персонажем. Для анализа коммуникативной личности персонажа использована модель К. Ф. Седова. Выявлены тематические группы слов, занимающих главное место в лексиконе Русанова. Обращается внимание на роль «мира вещей», бытовых предметов, воспоминания о которых приносят Русанову облегчение во время болезни. Ярким средством создания художественного образа являются многочисленные советизмы и канцеляризмы, соседствующие в речи героя с просторечными словами, а также единицы с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Традиционно сопровождаемые высокой оценкой славянизмы приобретают в речи Русанова исключительно негативное значение, тогда как ряд слов с негативным значением воспринимается героем положительно. Анализ дискурса этого персонажа показывает глубину его духовного заболевания. Результаты проведенного нами исследования не только позволяют утверждать, что с помощью несобственно-прямой речи А. И. Солженицын раскрывает внутренний мир персонажа, демонстрирует его нравственную несостоятельность, но и найти применение при дальнейшем изучении лингвопоэтики творчества писателя и художественного образа как языковой личности.

языковая личность; «Раковый корпус» А. И. Солженицына; несобственно-прямая речь; речевой портрет персонажа; славянизмы; газетные штампы; тематические группы слов

Введение

По утверждению К. Ф. Седова, «одна из наиболее насущных задач, которые стоят перед современной антропоцентрической лингвистикой, — создание типологии языковых личностей, способной отражать индивидуальные особенности речевого поведения носителей языка» [Седов, 2016, с. 224]. Изучение данного феномена в работах Ю. Н. Караулова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика открыло новые перспективы развития науки о языке. Создание речевого портрета личности позволяет выявить те или иные особенности ее коммуникативного поведения и показать влияние ее социального опыта на становление речевых способностей. Однако результаты современных исследований языковой личности можно использовать и в процессе анализа художественного текста. Изучение художественного образа как языковой личности, которое берет свое начало в работах В. В. Виноградова, не только не утратило актуальности, но, напротив, должно быть продолжено с учетом современных исследований. В данной статье исследуется содержание языковой личности одного из отрицательных персонажей повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» — Павла Николаевича Русанова. Представляется интересным описать языковые способы создания писателем художественного образа данного персонажа и посредством этого выявить его особенности, проявляющиеся в речи, и способности к коммуникации. На основе речевого портрета Русанова можно не только постичь особенности его внутреннего мира, но и осмыслить, что движет его поступками, и таким путем прийти к более глубокому осознанию причин и следствий изображаемых в тексте событий.

---

* Шурупова О. С. «Беспечный, счастливый человек» (опыт создания речевого портрета Русанова из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 147–156. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.015>

© Шурупова О. С., 2020

Перечисляя направления изучения дискурса персонажа художественного текста, Ю. Н. Караулов, автор теории языковой личности, отмечает возможность анализа внутренних монологов, интериоризированной речи, когда «само изображение действительности (явлений, событий, картин) дается как бы сквозь призму восприятия героя» [Караулов, 2019, с. 34], а также реконструкции особенностей восприятия персонажем речи других героев. Задачи нашего исследования будут, таким образом, связаны с анализом дискурса Русанова, его внутренних монологов и особенностей слушания и восприятия им речи других.

Основная часть

По мнению исследователей, «процесс художественной коммуникации проходит отнюдь не стихийно» [Седов, 2016, с. 322]. Взаимодействие автора и читателя предполагает использование того или иного типа нарратива: традиционного или несобственно-прямого «с неперсонифицированным повествователем, который, зная все, своего всезнания не показывает, а, напротив, старается быть незаметным, “пропускает” на передний план героя, передает его слова и мысли» [Попова, 2018, с. 196]. Несобственно-прямой дискурс как «умелое сочетание, взаимопроникновение двух речевых стихий: речи героев и авторского повествования» [Седов, 2016, с. 323], помогающее читателю увидеть действительность глазами персонажа и одновременно постичь духовные особенности этого персонажа, часто используется в произведениях А. И. Солженицына.

Среди признаков подобного нарратива Е. А. Попова выделяет отсутствие кавычек, употребление местоимений и глаголов от лица повествователя, оформление несобственно-прямой речи как самостоятельного предложения. В то же время несобственно-прямой нарратив призван отражать особенности персонажа, манеру его речи, его эмоции. По мнению Ю. Н. Караулова, «лексическое наполнение такой интериоризированной речи оказывается весьма характерным, причем в ней обязательно присутствует разговорность интонации» [Караулов, 2019, с. 34].

К подобному типу нарратива, наряду с третьеличным, писатель прибегает и в таких произведениях, как «В круге первом» и «Раковый корпус». Однако в повести «Раковый корпус» А. И. Солженицын использует подобный тип нарратива не только при изображении положительных героев, взгляды которых во многом близки самому писателю. Несобственно-прямой нарратив, наряду с традиционным третьеличным, применяется при создании образов Русанова и Вадима Зацырко, позиции которых А. И. Солженицын явно осуждает через высказывания других персонажей. Тем не менее даже Русанов при негативной оценке его автором получает возможность «высказаться», а читатель — возможность постичь точку зрения персонажа, языковое сознание которого наполнено прецедентными фразами, цитатами, реминисценциями, значимыми для осмысления данного образа.

Читатель встречается с Русановым в первой главе повести и первоначально воспринимает раковый корпус его глазами. Уже первые сказанные им фразы приоткрывают мироощущение этого персонажа, который суеверно боится больничного корпуса с «несчастливым» номером, хотя считает, что его нельзя назвать суеверным. Более того, суеверным он «не может быть» по своему положению как руководящий работник и коммунист, для которого радостно чтение газеты с последними директивами партии, и как атеист, о чем впоследствии должен догадаться читатель. Таким образом, уже в самом начале повести Русанов, во-первых, обманывает сам себя, а во-вторых, постоянно говорит о своем служебном и общественном положении: «Само по себе это было, конечно, унижение, издевательство судьбы: Русанову лежать между двух ссыльных. И каким Павел Николаевич был до больницы — он пошел бы и ставил бы вопрос принципиально: можно ли так перемешивать *руководящих работников* и темный социально-вредный элемент» (курсив наш. — О. Ш.)¹ [Солженицын, 1991, т. 4, с. 292].

Остальные люди для Русанова — это случайные, темные и даже социально-вредные элементы, которые заслуживают общей больницы и с которыми не стоит даже здороваться, то есть желать им здоровья. В его сознании люди делятся на руководящих работников (поэтому он с пониманием относится к главврачу, запрещающему заходить в свой кабинет) и остальных, думая о которых он постоянно прибегает к указательным местоимениям «тот» («...*Тот* должен бы сам услышать»), «этот» («Еще нудьги нагонял *этот* исхудалый, все вертящийся парень»), «туда» («Бандюга *этот туда* же тянулся к культуре — дочитывал книгу») (С. 13) и т. д.

---

¹ Далее ссылки на цитаты из повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» приводятся в тексте статьи с указанием в круглых скобках номера страницы. Выделения курсивом в цитатах наши — О. Ш.

Уже в третьем предложении первой главы читатель отчетливо слышит внутренний голос самого Русанова: «Вот уж ума не хватило назвать тринадцатым какой-нибудь протезный или кишечный» (С. 5). Но разве «несчастливый» номер не испугает людей, лишившихся конечностей или имеющих кишечные заболевания? Просто боль неведомых пациентов других корпусов не интересует Русанова, как и болезни соседей по палате, кажущихся ему при первой встрече подозрительно здоровыми.

Если обратиться к интериоризованной речи Русанова в первых двух главах, где он знакомится с раковым корпусом, можно заметить, что большинство существительных сопровождаются определениями с негативной оценочностью: «сальный мешок», «смрадный запах», «тесная затхлая нечистая палата», «грубые одеяла», «тупая голова», «неожиданная, ненужная, бессмысленная опухоль», «узкая, жалкая койка», «скудный матрасик», «пришибленные существа», «слинявшие и поношенные пижамы», «нудные разговоры», «нечистая серая ложка», «сбродные люди». Но одним из самых страшных слов для Русанова является слово «общий»: «...приходилось ложиться в эту клинику на *общих* основаниях», «...можно будет миновать приемный покой, *общую* баню» (С. 6), «неприятная черта *общей* больницы», «что-то запаздывал *общий* обед, да его и не хотелось» (С. 247), «...стали несносны на железных дорогах не только *общие*, но и плацкартные вагоны», «...в гостиницах для Русанова всегда бронировался номер, чтоб ему не очутиться в *общей* комнате», «...в санатории Русановы ездили не во всякие, а в такие, где человека знают, уважают и создают ему условия, где и пляж, и аллеи отдыха отгорожены от *общей* публики» (С. 154).

Эта атмосфера общей больницы, где лечат на общих основаниях для Русанова страшнее всего: «...захлопнулась вся прежняя жизнь, а здесь выперла такая мерзкая, что от нее еще жутче стало, чем от самой опухоли» (С. 12). Русанову страшно оттого, что опухоль «заслонила весь мир... Все осталось по ту сторону опухоли. А по эту — Павел Николаевич Русанов. Один» (С. 17). Однако Русанов один не только из-за раковой опухоли. Он по собственному желанию отделяется от остального, «общего» мира, потому что не любит никого, кроме себя и своего узкого мира.

Положительно Русанов оценивает лишь то, что составляет его мир: «целеустремленную, наступательную, красивую, налаженную жизнь», «безупречную квартиру», «дружную образцовую семью». Утешение он пытается черпать в воспоминаниях и рассказах о принадлежащих ему вещах: балконе, мебели, плитке в ванной, о «керамических плитусах, о площадочке для мыла, о закруглении под голову, о горячем кране, о переключении на душ, о приспособлении для полотенец» (С. 292). Как отмечает А. В. Урманов, исследуя «мир вещей» в повести «Один день Ивана Денисовича», «большинство художественных предметов... оказывается в зоне воздействия неких силовых полей, образующихся вокруг персонажей... Такие антропологизированные вещи уже нельзя отнести к сфере чистого быта, ибо они характеризуют не только предметный мир, но и персонажей» [Урманов, 2014, с. 102–103].

В повести «Раковый корпус» вещи, о которых думает и которые замечает Русанов, воплощают главные свойства его характера. Например, он обращает особое внимание на еду: для общего потребления — отвратительная «резиновая манная бабка», для него лично — *слабенькое* красное, *помидорчики*, красная *икрица*, *икорка* баклажанная, *апельсинчики* московские, *телятинка*, *компотик*, сладкий куриный *хрящик*. Так, его собеседники, когда произносят слова, обозначающие названия разных продуктов, предназначенных для Русанова, используют уменьшительно-ласкательные суффиксы. Но здесь, по-видимому, можно говорить и об особенностях восприятия персонажем речи других героев. В его внутренней речи тоже присутствуют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, и все они связаны с миром окружающих его и принадлежащих ему вещей: у него *«новенькая»* пижама и *«новенькая»* тубетейка, очки «с *золоченым ободочком*», «*голубенький “москвичик”*». Получив возможность увидеть мир его глазами, читатель узнает, что у его дочери «бордовый свитер», у жены «абрикосовое пальто со многими крупными пуговицами» (С. 355), у сына Лаврика — новый синий костюм, у дочки Майки — *«шапочка* новая, полосатая» (С. 355). А старший сын Юра привез отца в больницу «в костюме и без шапки» (С. 8), а во второй раз пришел в «кожаной куртке и в теплой шерстяной кепке» (С. 310).

Однако Русанов, всецело поглощенный перечнем предметов, принадлежащих ему и его семье, авторитетно заявляет в палате, что человек жив «идейностью и общественным благом». Ефрему Поддуеву, который начал разговор о том, чем люди живы, кажется, что Русанов почти угадал мысль Толстого: люди живы любовью к другим. Однако в действительности для Русанова с его громогласным заявлением об «общественном» слово «общий» носит негативную окраску, к сфере общественного он относит лишь то, что соответствует газетным штампам. К любви и всему, что связано с христианскими ценностями, его отношение резко негативное: «Лю-бо-вью!?. Нет, это

не наша мораль!..» (С. 87). Любовь, по его мнению, не входит в одобренный список «оптимистических и патриотических вещей» (С. 87). Ненавистна и чужда Русанову и такая христианская ценность, как смирение, связанная в его понимании с заключенными, которые «там привыкли, там смирились — зачем же пускать их сюда?» (С. 156). За свое здоровье и процветание, как он учит Дёмку, надо «идти на бой», бороться, и борьба Русанова заключается в том, что он звонит домой, жалуется на бездействие врачей и стремится заручиться поддержкой всемогущего, по его мнению, товарища Остапенко. Тем более диким кажется ему бормотание больного старика, читающего молитвы. В целом все слова, тематически связанные с христианством, для Русанова обладают негативной оценочностью. Так, его пугает именно «смуглое иконописное лицо» сестры Марии. Его возмущает, что в трамвае или автобусе надо «услуживать» — передавать деньги на билет или сдачу. Настоящим пороком своего сына он считает «бесхитрость», которая может побудить сына жениться по любви. И боясь, чтобы тот не сделал опрометчивого шага, Русанов с ужасом обсуждает со своей женой «старушку в белом платочке», которая чуть было не стала свекровью некоего Шендяпина. Конечно, Русанову отвратительна мысль о том, что свекровью его сына может стать простая колхозница, но нельзя не отметить, что его сильно пугает именно белый платок, который является «неотъемлемой частью русского костюма», своего рода христианским символом «подчинения женщины Богу (обязанность молиться за семью и дом) и мужу (убирание волос)» [Зуйкова, Привалов, 2018, с. 115].

Фамилия героя — Русанов — и рассказ о его прошлом в городе К. напоминают о русскости этого персонажа. Но русским он ощущает себя крайне редко, лишь когда оценивает национальный состав палаты и распивает водку с Чалым. Ведь если в речи персонажа встречаются славянизмы, они обязательно имеют негативное значение. Так, злостным нарушением, требующим наказания, для него является «своемудрие» подчиненных (С. 154). Слово «совесть» Русанову в устах Ефрема Поддубева кажется стыдным (сам же он употребляет это слово, говоря о рабочих, которые бессовестно требуют прибавки), а едва Ефрем делает попытку покаяться в совершенных им грехах, он выходит из себя: «Да это же махровая поповщина!» (С. 111). Его смертельно пугает «воскрешение из мертвых, которого никогда нельзя было вообразить» (С. 150). Он наставляет своего сына отказаться от благодушия: «...возьми сразу правильный тон. Никакого благодушия! Тебя благодушие губит!» (С. 10). Здесь необходимо вспомнить, что пишет А. И. Солженицын в художественном исследовании «Архипелаг ГУЛАГ»: «Устами Сталина раз навсегда призвали страну *отрешиться от благодушия*. А “благодушием” Даль называет “доброту души, любовное свойство ее, милосердие, расположение к общему благу”. Вот от чего нас призвали отречься большевики, и мы отреклись поспешно — от расположения к общему благу! Нам довольно стало нашей собственной кормушки» [Солженицын, 1991, т. 7, с. 67]. Таким образом, вновь проявляется глубинное отторжение героя от *общего*. Когда Костоготов заявляет, что проказа хуже рака, потому что живого человека «исключают из мира, отрывают от родных, сажают за проволоку», Русанову дико это слышать, ведь при проказе «процесс идет медленнее».

Суеверный Русанов не верит в существование Бога и не признает души. Однако он нередко использует слово «черт», хотя, по поверью, нельзя поминать черта, ибо он появляется, когда произносят его имя. В эпизодах, где появляется этот персонаж, постепенно все более ощутимой становится адская символика. Достаточно вспомнить, как он спускался по лестнице в уборную и его сон, в котором ползет то ли по подземной трубе, то ли по тоннелю. Когда супруги Русановы уезжают из больницы, последней фразой, которую он слышит и которую в тексте произносит его жена: «...Будь он проклят! Не оборачивайтесь никто!». И думается, это проклятие распространится вовсе не на раковый корпус, а на человека, гордого своей «стойкостью» и не подозревающего, что он вряд ли будет жив через год.

Достаточно серьезное место в лексиконе Русанова и, как выясняется впоследствии, его дочери занимают элементы жаргона следователей сталинских времен: «оформить» (то есть «посадить в тюрьму»), «работал» («сажал»), «сигнализирует» («доносит»). И страшным оказывается то безусловно положительное значение, которое вкладывают он и его жена в слово «опорочить»: «Спасибо, удалось опорочить жениха... спасли дочь» (С. 144).

Исключительно положительной оценочностью обладают для Русанова советизмы. Так, желая похвалить свою жену, Русанов, например, замечает: «У нее сельсовет работает» (С. 140). Он не только находит своеобразное утешение в чтении газет, но и в своей речи употребляет множество газетных штампов:

«А — официально этот способ признан? Он апробирован в какой-нибудь инстанции? (С. 116).

«Теперь, после решений январского пленума, у вас дела гораздо лучше пойдут... Потому что создание инструкторских групп по зонам МТС — это решающее звено. Оно все вытянет» (С. 294).

Во внутренних монологах Русанова тоже можно обнаружить множество канцеляризованных фраз: «Сегодня — о тяжелой промышленности, а вчера — постановление об увеличении производства продуктов животноводства. Да! Очень энергично развивается экономическая жизнь и предстоят, конечно, крупные преобразования разных государственных и хозяйственных организаций» (С. 17). Даже после двух стаканов водки Русанов продолжает мыслить подобным образом: «Но что-то такое, кажется, говорил Максим, что не могло быть увязано... Увязано... Что шло вразрез...» [Солженицын, 1991, т. 7, с. 249]. Эти газетные штампы причудливо соседствуют в интериоризованной речи Русанова с просторечными словами и фразеологизмами, имеющими пренебрежительный оттенок:

«...Не обрадуешься такому соседству: морда у него была бандитская» (С. 13).

«Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддубев, и разоружились идеологически! И будете нам тут про всякое моральное усовершенствование талдыкать!» (С. 111).

«Операция эта с комнатой была уже вся согласована, и пришли Катюку выселять, но она выкинула номер — заявила, что беременна» (С. 150).

«С пешеходами всегда можно напороться на неожиданность... Плохо одетый человек всегда опасен, потому что он плохо чувствует свою ответственность» (С. 155).

Когда этот персонаж не видит в газете знакомых штампов «военные победы», «философский гений», «Корифей Наук», «всемирная любовь», он понимает, что и выздоравливать незачем. Опору этот человек находит только в привычных выражениях: «Вот сели они сплоченным дружным коллективом, и час за часом так пойдет, и можно каждый день...» (С. 245).

Основной особенностью речи данного персонажа является канцелярит. По замечанию Норы Галь, «канцелярит не сдаётся, он наступает, ширится. Это окаянный и зловердный недуг нашей речи. Суший рак: разрастаются чужеродные, губительные клетки — постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, ни на грош информации, а лишь забивают и угнетают живое, полезное ядро» [Галь, 2011, с. 24]. Действительно, за шелухой, словесным мусором, которым изобилует речь Русанова, сложно «докопаться до зерна, до сути» (С. 25).

Более того, в речи Русанова даже такие слова, как «народ», «население» или «жизнь», реализуют несвойственные им, извращенные значения. Так, народ Русанов «любит», только не понимает, почему его «надо непременно искать внизу». Так, слово «жизнь» приобретает значение «предмет, который надо брать». Так, Авиета, дочь Русанова, по его мнению, очень правильно «берет жизнь» (С. 145). Народ для него — это те, кто посвящен в таинственные «истинные процессы жизни» (С. 153), двое-трое посвященных, которые решают все вопросы по телефону и пользуются всеми благами жизни, отнятыми у остальных: спецпалатами, мягкими вагонами, санаториями, где по дорожкам гуляют только свои, равные. Слово «население» для Русанова приобретает значение «строптивые, крикливые люди». К населению, конечно, относится прежде всего ненавистный Русанову Костоготов. Однако при таком отношении к людям, к населению можно отнести и всех остальных пациентов ракового корпуса, за исключением самого Русанова и, быть может, Вадима Зацырко, а также всех врачей и медсестер, которые «не ходят, денег не берут» (С. 7). В население, безусловно, входят и учителя. Население — это и рабочие, требующие прибавку к заработной плате, и старушки, торгующие зеленым луком, и люди вроде Шулубина, не сумевшие или не захотевшие сделать карьеру, подобную карьере Русанова.

Зато положительную оценку получает в понимании Русанова ложь. Больным раком, как он уверен, не следует рассказывать об их диагнозе, а народу не стоит узнавать о том, что расстрелянный Берия оказался преступником. Рак, о котором пишет Н. Галь, словно бы поражает речь Русанова: слова в его понимании получают новые, «вывернутые» значения, мир воспринимается им искаженно, а когда он не видит в газете привычных ему штампов, то теряет и не знает, что предпринять.

Важно отметить особенности восприятия персонажем чужой речи. В частности, речь Костоготова, в которую он, когда слышит соседа по палате, включает такие слова, как «зарычал», «оклычился», «огрызнулся», «оскалился», «отревел», «отвратительно мычал», ассоциируется со звуками, которые могло бы издавать животное. Негодование Русанова вызывает беседа Костоготова и Дёмки об учебе, свидетелем которой он становится: «Этого еще не хватало, над

ухом!» (С. 22); они «бубнили», «заладили и долго еще гудели об аксиомах и следствиях» (С. 23). Зато спекулянт Чалый, рассказывающий о своих махинациях и читающий нецензурные стихи, говорит, по мнению Русанова, «душевно». Русанов, конечно, мечтает о публичных казнях для спекулянтов, но для своей дочери покупает вещи «с рук», а с Чалым даже заводит дружбу. Тот «так доброхотливо говорил, таким задушевым чистым голосом, что потеплело очень на сердце Павла Николаевича» (С. 245).

Наконец, необходимо отметить читательские пристрастия Русанова. Он ставит превыше всего советские периодические издания — «Правду», «Огонек» и «Крокодил», резко отвергает Л Н Толстого, но хвалит А. Толстого, Н. Островского, от которого «больше пользы», и постоянно цитирует Горького, вернее приписывает Горькому все мысли, которые считает правильными.

«Как сказал, кажется, Горький, только тот достоин свободы, кто за нее идет на бой» (С. 38). В действительности эти слова представляют собой неточную цитату из трагедии И.-В. Гёте «Фауст».

«Кто это? — кажется, Горький сказал: если дети твои не лучше тебя, то зря ты родил их и жил ты тоже зря. А вот Павел Николаевич, по собственному убеждению, живет не зря» (С. 220). Перед читателем в данном случае — своеобразная компиляция идей Горького о том, что дети — это «завтрашние судьи» дел человека, и Н. Островского — о жизни, которая представляет собой «самое дорогое» и которую нельзя бесцельно тратить.

По-видимому, Русанов никогда не читал Горького. И об этом писателе, и об «оптимистическом» А. Толстом и об Н. Островском он лишь слышал, не пытаясь постичь их произведений. С готовностью критикуя и поучая других и вспоминая годы, когда «слишком заумные интеллигентики — исчезли, заткнулись, притаились» (С. 150) и когда он был директором и командовал педагогами, Русанов имеет весьма расплывчатые представления даже о советской литературе. Русская и зарубежная классика для него не существует вовсе. Как отмечает А. С. Немзер, «хоть и попросил Павел Николаевич дочь поискать “чего-нибудь” не из знакомого ряда, однако в дальнейшем уверовав, что “смерть ему не грозит”, обходился “Крокодилом” да “Огоньком”» [Немзер, 2019, с. 242].

К. Ф. Седов, характеризуя особенности языковой личности, пишет о необходимости учитывать пять уровней коммуникативного поведения человека: врожденные предпосылки формирования коммуникативной компетенции, коммуникативные черты характера, сформированность речевого мышления, жанрово-ролевая компетенция и культурно-речевая компетенция. Если оценить Русанова по этим параметрам, можно с уверенностью говорить, что он представляет собой доминантную коммуникативную личность, желающую убедить собеседника в своей правоте и настаивающую на своей точке зрения. Он безуспешно пытается влиять на Поддуева и Костоглотова и запугивать доктора Донцову. Можно говорить о нем как об активно-центрированном подтипе личности, который перебивает собеседника, желая навязать ему свое видение вещей, и который не способен взглянуть на мир глазами другого человека.

Существенным показателем идиостилия человека К. Ф. Седов считает уровень его владения разными жанрами речи, необходимыми для выполнения социальных ролей. Русанов не проявляет высокого владения различными жанрами общения. Вступая с человеком в разговор, Русанов стремится использовать исключительно жанр поучительной речи. Даже в разговоре с женой он сбивается на такую речь, когда вместо обсуждения подробностей ремонта начинает рассуждать о пороках рабочих, которые непременно потребуют доплаты. «Если представить себе все жанровое пространство бытового общения на временном срезе в виде панно, состоящего из загорающихся лампочек, то проекция индивидуальных сознаний языковых личностей на это панно каждый раз будет давать разный световой набор» [Седов, 2016, с. 63]. Думается, языковая личность Русанова всякий раз «высвечивалась бы» не уникальным сочетанием огней, а одинаковым красным светом, призванным обличить собеседника. Свою вину Русанов осознать практически не способен даже перед лицом смертельной болезни.

Что касается уровня культурно-речевой компетенции, то языковая личность Русанова демонстрирует просторечный уровень, поскольку для него, как уже было показано, характерно чрезмерное использование просторечных слов, соседствующих с газетными штампами, единиц из жаргона следователей, а также положительное отношение к сквернословию Чалого. Человек со столь низким уровнем развития речи, однако, считает себя вправе критически относиться к учителям, врачам, «интеллигентам» и даже к «заупокойному» Л. Н. Толстому, который «во многом был не прав».

Заключение

Поистине внутренний мир героя, который А. И. Солженицын приоткрывает с помощью несобственно-прямой речи, страшен. «Русанов — тип жадного, самодовольного маленького человека, который уже встречался в русской литературе... В бессовестном и бесчеловечном мире... ничтожность маленького человека приобретает объективную мощь... Не задавая вопросов, не углубляясь в суть, он с животным усердием поддерживает самые расхожие места официальной догмы» [Мучник, 2010, с. 561]. Это человек, для которого мир вечный, где возможно духовное преображение, покаяние и рождение настоящей любви, полностью заслонен миром вещным (все эти чудеса происходят в раковом корпусе, рядом с Павлом Николаевичем, но остаются не замеченными им).

Когда Костоглотов, бродя по зоопарку, видит белку в колесе, он не вспоминает о Русанове. Но зверек, который привлечен «ложной идеей» и «ни на ступеньку не может подняться... передними лапами» неуловимо напоминает Павла Николаевича. «Не было в клетке внешней силы, которая могла бы остановить колесо и спасти оттуда белку, и не было разума, который внушил бы ей: “Покинь! Это — тщета!” Нет! Только один был неизбежный ясный выход — смерть белки» (С. 388). Столь же неизбежной и мрачной предстает и судьба Русанова. Об этой судьбе А. И. Солженицын говорит в главе «Архипелаг ГУЛАГ»: «Почему они благоденствуют?.. Смысл земного существования — не в благоденствии, как мы все привыкли считать, а — в развитии души. С такой точки зрения наши мучители наказаны всего страшней: они свинеют, они уходят из человечества вниз» [Солженицын, 1991, т. 6, с. 383].

Именно это происходит и с Русановым, «беспечным, счастливым человеком» (С. 5), речевой портрет которого обнажает весь ужас добровольного отказа от традиционных русских ценностей ради штампов, прикрываясь которыми можно совершать любые злодеяния.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. : в 7 т. — М. : ИНКОМ НВ, 1991. — Т. 5. — 432 с. ; Т. 6 — 432 с. ; Т. 7. — 384 с.
2. Солженицын А. И. Раковый корпус // Малое собр. соч. : в 7 т. — М. : ИНКОМ НВ, 1991. — Т. 4. — 416 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуйкова С. А., Привалов И. В. Значение пояса и платка в русском традиционном костюме: христианская символика и народное осмысление // Культурология : Дайджест. — 2018. — № 4 (87). — С. 111–115.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Либроком, 2019. — 264 с.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. — М. : Время, 2011. — 592 с.
4. Мучник Х. «Раковый корпус»: Судьба и вина // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008 : сб. ст. — М. : Русский путь, 2010. — С. 558–574.
5. Немзер А. С. Проза Александра Солженицына: опыт прочтения. — М. : Время, 2019. — 640 с.
6. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. — М. : Языки славянских культур, 2016. — 440 с.
7. Попова Е. А. Нарративные особенности прозы Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени : материалы Всерос. науч. конф. — Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. — С. 195–208.
8. Урманов А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына. — М. : Русский путь, 2014. — 624 с.

Сведения об авторе

Шурупова Ольга Сергеевна — доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского». Сфера научных интересов: языкознание, лингвистика сверхтекста, лингвокультурология. Контактная информация: электронный адрес: shurupova2011@mail.ru

**“A Lighthearted and Happy Person”
(Speech Characteristics of Rusanov,
a Character of A. I. Solzhenitsyn’s “Cancer Ward”) ***

The relevance of the article is accounted for by the necessity to use the results of modern research of a linguistic personality to create literary images. The aim of the article is to analyze speech characteristics of Rusanov, a character of A. I. Solzhenitsyn’s “Cancer Ward”. The article focuses on the character’s discourse. The article analyzes Rusanov’s inner speech, the peculiarities of his perception of other people’s speeches, the quotations he uses in his speech. To analyze the character’s personality, the author of the article uses K. F. Sedov’s model. The author of the article singles out thematic vocabulary sets that prevail in Rusanov’s speech. The author focuses on objects remembering which Rusanov experiences some relief of his sickness-related suffering. Numerous Sovietisms and bureaucratic expressions used by the character together with some simple words and diminutives help the author to create the literary image. In Rusanov’s speech, some Slavinisms, which are traditionally positively charged, acquire a negative meaning, while some negatively charged words are positively perceived by the character. The analysis of the character’s discourse shows the severity of his spiritual infirmity. The results of the research conducted by the author of the article enables the author to maintain that A. I. Solzhenitsyn uses the character’s inner monologue to reveal the character’s inner world, to show the character’s moral lameness. The results of our research can be used to further investigate A. I. Solzhenitsyn’s linguopoetics and to analyze a literary image as a linguistic personality.

linguistic personality; A. I. Solzhenitsyn’s “Cancer Ward”; inner monologue; speech characteristics of a character; Slavinisms; newspaper clichés; thematic vocabulary sets

SOURCES AND ABBREVIATIONS

1. Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago. *Maloje sobranije so-chinenij: v 7 tomah* [Minor Collection of Works: in 7 vols.]. Moscow, INKOM NV Publ., 1991, vol. 5, 432 p.; vol. 6, 432 p.; vol. 7, 384 p. (In Russian).
2. Solzhenitsyn A. I. Cancer Ward. *Maloje sobranije sochinenij: v 7 tomah* [Minor Collection of Works: in 7 vols.]. Moscow, INKOM NV Publ., 1991, vol. 4, 416 p. (In Russian).

REFERENCES

1. Zujkova S. A., Privalov I. V. The Significance of Belts and Headscarves in Russian Traditional Costumes: Christian Symbols and Folk Perception. *Kul'turologija* [Culturology]. Dajdzhest Publ., 2018, no. 4 (87), pp. 111–115. (In Russian).
2. Karaulov Ju. N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [The Russian Language and the Linguistic Personality]. Moscow, Libricom Publ., 2019, 264 p. (In Russian).
3. Gal' N. *Slovo zhivoe i mertvoe* [Words Living and Words Dead]. Moscow, Time Publ., 2011, 592 p. (In Russian).
4. Muchnik H. “Cancer Ward”: Fate and Fault. *Solzhenitsyn: myslitel', istorik, hudozhnik. Zapadnaja kritika 1974–2008* [Solzhenitsyn: Thinker, Historian, Artist. Western Criticism, 1974–2008]. Moscow, Russian Path Publ., 2010, pp. 558–574. (In Russian).
5. Nemzer A. S. *Proza Aleksandra Solzhenitsyna: opyt prochtenija* [Reading Alexander Solzhenitsyn’s Prose]. Moscow, Time Publ., 2019, 640 p. (In Russian).
6. Sedov K. F. *Obshhaja i antropocentricheskaja lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, Slavic Languages Publ., 2016, 440 p. (In Russian).
7. Popova E. A. Narrative Peculiarities of L. N. Tolstoy’s and A. I. Solzhenitsyn’s Prose. *L. N. Tolstoj i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v nepro-shedshem vremeni: materialy Vserossijskij nauchnoj konferencii* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in the Present: Proceedings of the All-Russian Research Conference]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University named for P. P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2018, pp. 195–208. (In Russian).
8. Urmanov A. V. *Hudozhestvennoe mirozdanie Aleksandra Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn’s Artistic World]. Moscow, Russian Path Publ., 2014, 624 p. (In Russian).

---

* Shurupova O. S. “A Lighthearted and Happy Person” (Speech Characteristics of Rusanov, a Character of A. I. Solzhenitsyn’s “Cancer Ward”). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 2 (67), pp. 147–156. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.015>

Information about the author

Shurupova Olga Sergeevna — Doctor of Philology, Associate Professor in the Department of the English Language at Lipetsk State Pedagogical University named for P. P. Semenov-Tyan-Shansky.

Research interests: metalinguistics, linguoculturology.

Contact information: e-mail: shurupova2011@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2020

Received 30.03.2020